

Вадим Нестеров

Жизнь примечательных людей

Книга 1

12+

Вадим Нестеров
Жизнь примечательных
людей. Книга первая
Серия «Жизнь примечательных
людей», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44619245
SelfPub; 2021*

Аннотация

Они были. Кого-то помнят, кого-то забыли. Исторические миниатюры о людях, хороших и не очень. Но обязательно – реальных. Иллюстрация на обложке – Ильи Комарова, используется с разрешения автора.

Содержание

Человек с четырьмя «ЭН» или Советский Нострадамус	4
Жизнь лучше обычной	16
Человек, который начал войну	25
"Золото Осипова" или о ненайденных кладах	35
Вся правда о лузерах	41
В дальнем сонном Оренбурге	46
Картины, эфиопы и стихи	63
Забытое "Золото" или Подвиг офисного планктона	70
Когда белые воевали с красными. Плечом к плечу	75
"Я был когда-то странной игрушкой безымянной..."	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Вадим Нестеров

Жизнь примечательных людей. Книга первая

Человек с четырьмя «ЭН» или Советский Нострадамус

Николай Николаевич Носов в русской литературе фигура особенная. Его, в отличие от многих, становится чем дальше, тем больше. Он один из немногих писателей, книги которых действительно читало (добровольно читало!), и с теплотой вспоминает все население страны. Более того — хотя советская классика едва не вся осталась в прошлом, и давно не переиздается, спрос на книги Носова не только не упал ни на йоту, но и постоянно растет. Де-факто его сказки стали определенным символом априори востребованной литературы. Достаточно вспомнить недавний громкий уход Пархоменко и Горностаевой из издательской группы «Азбука-Аттикус», который объяснялся идеологическими расхождениями с руководством издательства, которое «не готово выпускать ничего, кроме 58-го издания "Незнайки на Луне"».

Но при этом о самом авторе никто не знает почти ничего.

Биография у него действительно непохожа на авантюрный роман – родился в Киеве в семье артиста эстрады, в молодости сменил множество работ, потом закончил институт кинематографии, из кино ушел в литературу и всю жизнь писал.

Но некоторые обстоятельства этой тривиальной судьбы действительно поражают воображение. Один мой приятель, в двадцатый, наверное, раз перечитывая знаменитый четырехтомник, стал читать еще и комментарии и обнаружил удивительную вещь. Все вы наверняка помните знаменитые рассказы Носова из условного цикла «однажды мы с Мишкой». Да, те самые – как они кашу варили, пеньки ночью выворачивали, щенка в чемодане возили и т.п. А вот теперь ответьте, пожалуйста, на вопрос – когда происходит действие этих рассказов? В какие годы это все происходит?

Обычно разброс мнений довольно велик – от тридцатых по «оттепельным» шестидесятым. Вариантов ответов масса, любых – кроме правильных.

А правда заключается в том, что рассказы Носов начал писать незадолго до войны (первая публикация – 1938 год), но самые знаменитые, самые светлые и запоминающиеся писались в самые страшные годы. С сорок первого по сорок пятый. Тогда профессиональный киношник Носов снимал документальные фильмы для фронта (и за цикл учебных фильмов для танкистов получил свою первую награду – орден Боевого Красного знамени), а в свободное время, для души, пи-

сал те самые истории – «Мишкина каша», «Дружок», «Огородники»... Последний рассказ этого цикла, «Тут-тук-тук», был написан в конце 1944 года, и в 1945 у начинающего писателя вышла первая книжка – сборник рассказов «Тут-тук-тук».

Самое главное – когда знаешь отгадку, сразу просыпается досада – ну как же, все же понятно! У всех малолетних героев только мамы, куда папы делись – непонятно. Да и вообще мужских персонажей на весь цикл – довольно таки пожилой, судя по всему, "дядя Федя" в электричке, который все возмущался декламацией стихов, да вожатый Витя, судя по всему – старшеклассник. До предела аскетичный быт, варенье с хлебом в качестве лакомства...

Но все-таки войны там нет. Ни словом, ни намеком, ни духом. Думаю, не надо объяснять – почему. Потому что это – для детей. Для детей, которым и без того жизнь отмерила столько, что не дай бог нам это узнать. Такое вот кино "Жизнь прекрасна", только в реальности.

Все понятно. И все-таки – как? Как он смог это сделать? Ответ может быть только один – вот этим и отличается настоящий детский писатель от поддельного.

Но есть в творчестве Носова загадки и посложнее, о которых ожесточенно спорят и до сих пор. К примеру, всех обычно ставит в тупик своеобразная «обратная эволюция» Носова.

В самые идеологически нагруженные сталинские годы

Николай Николаевич писал прямо таки демонстративно аполитичные книги, там, по-моему, даже пионерская организация если и упоминалась, то вскользь. Эти события могли происходить где угодно – выводить цыплят в самодельном инкубаторе или дрессировать щенка и впрямь могли «дети разных народов». Не потому ли, кстати, в опубликованном в 1957 году журналом «Курьер ЮНЕСКО» списке самых переводимых русских писателей Носов оказался на третьем месте – вслед за Горьким и Пушкиным?

вот когда настала оттепель, и идеологическое давление ощутимо снизилось, Носов, вместо того, чтобы вслед за своими коллегами-писателями радоваться обретенной свободе, пишет две большие программные принципиально идеологические книги – «коммунистическую» повесть «Незнайка в Солнечном городе» и «капиталистический» роман-сказку «Незнайка на Луне». Этот неожиданный поворот до сих пор ставит в тупик всех исследователей. Ну ладно, да, такое случается, но обычно тогда, когда творческие силы автора идут на спад. Потому и пытаются актуальностью компенсировать падение качества. Но к Носову это отнести при всем желании не получится – ни о каком падении качества говорить не приходится, а «Незнайку на Луне» практически все считают вершиной его творчества.

Трилогия о Незнайке, этом «четвертом Н» автора, действительно потрясающе талантлива и удивительно многослойна, недаром взрослые читают ее с не меньшим удоволь-

ствием, чем дети.

Взять хотя бы не сильно то и спрятанные аллюзии, то, что сегодня именуют постмодернизмом. В «Незнайке» и впрямь спрятана едва ли не вся русская классическая литература. Хвастовство Незнайки перед малышами: «Это я шар построил, я вообще у них самый главный, и стихи эти я написал» – Хлестков в чистом виде, скитания милиционера Сви-стулькина ставшего свидетелем чуда, совершенного Незнайкой с помощью волшебной палочки, явно отсылают нас к подобным же мытарствам Ивана Бездомного в «Мастере и Маргарите». Галерею персонажей можно продолжать: Волшебник со своим "Солнышко всем одинаково светит" – вылитый Платон Каратаев, голопузый утешитель отправляющихся на Дурацкий остров ("Послушайте меня, братцы! Не надо плакать!.. Сыты будем – как-нибудь проживем!") – явно горьковский странник Лука.

А сравнение внешности Жадинга и Спрутса – Жадинг по своей внешности очень напоминал господина Спрутса. Разница была в том, что лицо его было несколько шире, чем у господина Спрутса, а нос чуточку уже. В то время как у господина Спрутса были очень аккуратные уши, у Жадинга уши были большие и нелепо торчали в стороны, что еще больше увеличивало ширину лица. – опять Гоголь, его знаменитые Иван Иванович и Иван Никифорович: Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича

ча похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх.

Более того – как заметил другой мой приятель, Носов провидчески пародировал классику, которой тогда еще просто не существовало. Вам ничего не напоминает этот отрывок?

Шутило принялся трясти за плечо Свистулькина. Наконец Свистулькин проснулся.— Как вы сюда попали? – спросил он, с недоумением глядя на Шутилу и Коржика, которые стояли перед ним в одном нижнем белье.— Мы? – растерялся Шутило. – Слышишь, Коржик, это как это... то есть так, не будь я Шутило. Он спрашивает, как мы сюда попали! Нет, это мы вас хотели спросить, как вы сюда попали?— Я? Как всегда, – пожал плечами Свистулькин.— "Как всегда"! – воскликнул Шутило. – По-вашему, вы где находитесь?— У себя дома. Где же еще?— Вот так номер, не будь я Шутило! Слушай, Коржик, он говорит, что он у себя дома. А мы с тобой где?— Да, правда, – вмешался в разговор Коржик. – А вот мы с ним тогда, по-вашему, где?— Ну, и вы у меня дома.— Ишь ты! А вы в этом уверены?Свистулькин огляделся по сторонам и от изумления даже привстал на постели.— Слушайте, – сказал наконец он, – как я сюда попал?

Вот, собственно, и прозвучало слово, которое все объясняет – «провидчески».

Сегодняшние читатели наперебой восхищаются – насколько же точно Носов описал капиталистическое общество. Все, вплоть до самых мельчайших деталей. Вот вам

«черный пиар»:

— А что. Общество гигантских растений может лопнуть? — насторожился Гризль (редактор газеты — VN) и пошевелил своим носом, как бы к чему-то принохиваясь. — Должно лопнуть, — ответил Крабс, делая ударение на слове "должно". — Должно?... Ах, должно! — заулыбался Гризль, и его верхние зубы снова впились в подбородок. — Ну, оно и лопнет, если должно, смею уверить вас! Ха-ха!...".

Вот «оборотни в погонах»:

— А кто такие эти полицейские? — спросила Селедочка. — Бандиты! — с раздражением сказал Колосок. — Честное слово, бандиты! По-настоящему, обязанность полицейских — защищать население от грабителей, в действительности же они защищают лишь богачей. А богачи-то и есть самые настоящие грабители. Только грабят они нас, прикрываясь законами, которые сами придумывают. А какая, скажите, разница, по закону меня ограбят или не по закону? Да мне все равно!".

Вот — «актуальное искусство»:

— Ты, братец, лучше на эту картину не смотри, — говорил ему Козлик. — Не ломай голову зря. Тут все равно ничего понять нельзя. У нас все художники так рисуют, потому что богачи только такие картины и покупают. Один намалюет такие вот загогулилки, другой изобразит какие-то непонятные закорючечки, третий вовсе нальет жидкой краски в лохань и хватит ею посреди холста, так что получится какое-то несуразное, бессмысленное пятно.

Ты на это пятно смотришь и ничего не можешь понять – просто мерзость какая-то! А богачи смотрят да еще и похваливают. "Нам, говорят, и не нужно, чтоб картина была понятная. Мы вовсе не хотим, чтоб какой-то художник чему-то там нас учил. Богатый и без художника всё понимает, а бедняку и не нужно ничего понимать. На то он и бедняк, чтоб ничего не понимать и в темноте жить".

И даже «кредитное рабство»:

– Я тогда на завод поступил и зарабатывать стал прилично. Даже на черный день начал деньги откладывать, на тот случай, значит, если снова вдруг безработным стану. Только трудно, конечно, было удержаться, чтоб не истратить денешки. А тут все еще стали говорить, что мне надо купить автомобиль. Я и говорю: зачем мне автомобиль? Я могу и пешком ходить. А мне говорят: пешком стыдно ходить. Пешком только бедняки ходят. К тому же автомобиль можно купить в рассрочку. Сделаешь небольшой денежный взнос, получишь автомобиль, а потом будешь каждый месяц понемногу платить, пока все деньги не выплатишь. Ну, я так и сделал. Пусть, думаю, все воображают, что я тоже богач. Заплатил первый взнос, получил автомобиль. Сел, поехал, да тут же и свалился в ка-а-ах-ха-наву (от волнения Козлик даже заикаться стал). Авто-аха-мобиль поломал, понимаешь, ногу сломал и еще четыре ребра.

– Ну, а автомобиль ты починил потом? – спросил Незнайка. – Что ты! Пока я болел, меня с работы прогнали.

А тут пришла пора за автомобиль взнос платить. А денег-то у меня нет! Ну мне говорят: отдавай тогда авто-аха-ха-мобиль обратно. Я говорю: идите, берите в каа-ха-ханаве. Хотели меня судить за то, что автомобиль испортил, да увидели, что с меня все равно нечего взять, и отвязались. Так ни автомобиля у меня не стало, ни денег".

Описания столь точны и детальны, что поневоле закрадывается сомнение – как мог человек, проживший всю свою жизнь за непроницаемым тогда еще «железным занавесом», нарисовать столь масштабное и безукоризненно исполненное полотно? Тем более, что выписан у него скорее не тогдашний капитализм, а капитализм сегодняшний. Откуда у него столь детальные знания о биржевой игре, брокерах, «дутых» акциях и финансовых пирамидах? Откуда, наконец, взялись резиновые дубинки со встроенными электрошокерами, их ведь в те годы просто не было на вооружении полиции – ни в западных странах, ни тем более у нас.

Чтобы хоть как-то объяснить это, появилась даже остроумная теория, переворачивающая все с ног на голову. Дескать, все дело в том, что новое общество у нас строили люди, которые все свои знания о капитализме получившие из романа Носова. Вот они, на неосознанном уровне, и воспроизводили засевшие с детства в голове реалии. Потому мол, это не Носов описал сегодняшнюю Россию, а Россию построили «по Носову».

Но гипотеза о том, что Носов просто был пророком, про-

зревшим будущее, и попытавшимся предупредить именно тех, кому предстояло жить в этом будущем – детей, куда логичнее. Сначала о том, что будет с их миром. А потом о том, каким будет мир новый.

Чтобы обосновать ее, обратимся к самому главному – ключевой идее обеих книг. Как по вашему, о чем рассказывается в «Незнайке в Солнечном городе»? О коммунизме? О технических новшествах вроде радиоуправляемых машин? Утопия, говорите вы?

Да вы вспомните книгу, сюжет вспомните, фабулу! Книга-то по большому счету о том, насколько хрупким, незащищенным оказалось это построенное «общество справедливости». Помните превращенных Незнайкой в людей ослов и возникшее вслед за этим фатальное для города движение «ветрогонов»?

Ведь что мы имеем? Есть вполне счастливый и, судя по всему, достаточно закрытый социум (вспомните, с каким восторгом там встречают пришельцев, которых буквально рвут за рукав радушные хозяева). Но малейший толчок извне оказывается фатальным, привнесенный извне вирус поражает весь организм, рушится все, и не по мелочи, а до основания.

Новомодные веяния, появившиеся не без помощи пришельцев ввергают этот социум в полную анархию, и лишь ошарашенные полицейские (помните наших «ментов», которые и пистолетов-то на дежурство никогда не брали) бес-

помощно наблюдают за буйством социальной стихии. Привет, девяностые!

Носов, конечно, сказочник добрый, поэтому на столь пессимистической ноте закончить никак не мог. Но показательно, что даже ему, чтобы спасти Солнечный город, пришлось вытащить рояль из кустов, призвать «бога из машины» – Волшебника, который пришел и сотворил чудо.

А «Незнайка на Луне» – разве же о капиталистическом обществе? Книга-то о двух счастливых «домашних щенках», которые вдруг оказались на улице, в звериной стае. Кто-то, как Пончик, приспособился, кто-то, как Незнайка, рухнул на самое дно. Словом, как верно сказано в вышедшем на днях сборнике статей «Веселые человечки. Культурные герои советского детства»: «Чтение книги "Незнайка на Луне" в 2000-е годы чревато "вычитыванием" в тексте смыслов, которые Носов, скончавшийся в 1976 году, вложить туда никаким образом не мог. Эта сказка напоминает нечаянное описание самоощущения тех жителей СССР, которые в 1991 году проснулись словно на Луне: нужно было выжить в ситуации, когда то, что казалось бессобытийной улицей Колокольчиков, осталось в далеком прошлом – вместе со своим якобы вечным временем...».

Впрочем, бывшие жители Цветочного города все понимают. И пишут в своих блогах в день столетия своего любимого писателя: «Спасибо, Николай Николаевич, за пророчество. И хотя мы оказались не в Солнечном городе, как должны бы-

ли, а на Луне, шлём с неё Вам свою любовь, благодарность и восхищение. Здесь всё именно так, как Вы описали. Большинство уже прошло через Дурацкий остров и мирно блеет. Меньшинство в тоске надеется на спасительный корабль со Знайкой во главе. Он, конечно, не прилетит, но они ждут».

Жизнь лучше обычной

Жила-была девочка – красивая и умненькая. Знаете, есть такой типаж – очень трогательные, очень правильные, с большими белыми бантами, прилежные и аккуратные, урожденные отличницы, эдакая гордость школы с косичками «крендельком».

Одна беда – жила эта девочка в какой-то несусветной провинции, в такой глуши, откуда три дня скачи – никуда не доскачешь. А девочке очень хотелось прожить большую и полную жизнь. Жизнь, полную великих свершений, чтобы весь мир узнал о ней и восхитился ее талантами.

Нет, конечно, внимания и так хватало. Окружающие девочку любили, даже восхищались ею, но... Как бы это помягче... Они, конечно, были милыми и непосредственными, все эти люди, но уж настолько провинциальными и недалекими, что быть молодцом среди этих овец было даже неприлично. И, скажем по секрету, нашей гордости школы до смерти надоело быть положительной отличницей. Этот недвижимый городок достал ее до такой степени, что она готова была выкинуть что-то безумное, хлопнуть по воде так, чтобы по всему пруду круги пошли.

И затягивать с этим она не стала.

В 16 лет, едва окончив школу, она объявила себя взрослой.

Остригла свои старомодно-приличные косы и первой в городе сделала сколь же модную, столь и вызывающую прическу, шокировав всю округу.

После чего отправилась в редакцию местной газеты, где потребовала взять ее на работу, заявив, что намерена стать журналисткой. Девочка решила, что это единственная приличная работа в этом болоте, которой не стыдно заниматься продвинутой прогрессивной женщине.

В газету девочку взяли – из уважения к школьным заслугам. По одним сведениям – младшим репортером, по другим – вообще корректором. И, по большому счету, не пожалели, работать она умела всегда. Так и началась ее взрослая жизнь.

Очень скоро девочка поняла, что подвиги и слава откладываются на неопределенный срок. Прошел год, начался второй, а она так и сидела в газетке на должности младшего репортера, девочкой «подай-принеси-сбегала-бы-ты». Да и провинциальная журналистика оказалась вполне достойной окружающего мира. Попробуй-ка писать про выставку цветов, где даже участники каждый год одни и те же, вчерашнюю драку извозчиков и прочие глобальные события. Девочка быстро поняла, что может просидеть в газете до пенсии, выслужить должность репортера, но так и будет из года в год писать про ежегодные ярмарки в соседнем селе.

Но рухнувшие надежды – это было еще полбеды. Целая

беда себя ждать не заставила.

В своем максималистском стремлении к свободе и независимости наша девочка зашла куда дальше, чем следовало. Однажды она поняла, что беременна. А вскоре наша бывшая отличница узнала, что на брак с отцом своего ребенка может даже не рассчитывать.

По меркам того времени родить, не будучи замужем, считалось несмываемым позором. А уж «принести в подол» в родном патриархальном городке... Это был приговор. Несмываемое до самой смерти клеймо и на ней, и, что гораздо хуже, на ребенке.

И вот тогда наша девочка выкинула такой фортель, по сравнению с которым все предыдущие безумства были детским визгом на лужайке. Так никому ничего и не сказав, она на четвертом месяце беременности увольняется из газеты, и, собрав немногочисленные пожитки, уезжает в столицу. Отправляется покорять город, где у нее не было даже шапочных знакомых. По сути – просто бежит. Уезжает в никуда.

В декабре у нее родился сын, урожденный столичный житель с прочерком в графе «отец». Накануне нашей девочке исполнилось восемнадцать лет.

Как она жила эти годы в чужом незнакомом городе, мы можем только предполагать, девочка не рассказывала об этом никому и никогда. Но догадаться несложно – столицы одинаковы во всех странах, они везде не верят слезам и бьют с носка. И судьба умненьких девочек без образования, но с

грудным младенцем на руках интересуется их очень мало. «Я очень одинока и бедна, – писала она брату. – Одинока потому, что так оно и есть, а бедна потому, что всё моё имущество состоит из одной монеты. Я очень боюсь наступающей зимы».

Еще раз повторюсь – мы можем только предполагать, что тогда выпало на долю нашей героини. Эти годы были очень трудными, и не только для нее, во всем мире тогда было очень тяжело. Работы не было, денег тоже. Наша девочка не отказывалась от любого приработка, хваталась за все соломинки, но в итоге лишь утопала все глубже и глубже.

Наконец пришлось признаться самой себе, что она не выплывет. И тогда ей пришлось пойти на, может быть, самое страшное для женщины – бросить своего ребенка. Отдать сына на воспитание совершенно чужим людям.

Вы, конечно, ждете рассказа о том, как герой, преодолев все тяготы и лишения, добился успеха и взлетел на немыслимую высоту. Увы, мы не кино смотрим, а слушаем историю из жизни. Д'Артаньяна, покорившего Париж, из нашей героини не вышло. Столицу она не покорила, ей всего лишь удалось там выжить, и это куда более распространенный сценарий, который проживают десять бывших отличниц из дюжины.

Никакая даже самая черная полоса не может тянуться бесконечно. Мало-помалу дела если и не наладились, то как-то утряслись. Несостоявшейся завоевательнице удалось по слу-

чаю закончить секретарские курсы. Потом в один прекрасный день ей предложили работу секретарши в местном обществе автомобилистов. А дальше все было как в плохом романе.

Получив место, в 24 года наша девочка выскочила замуж. Секретарша окрутила своего шефа.

Ее муж несколько не походил на принца на белом коне, но он оказался неплохим человеком и действительно любил нашу героиню. По крайней мере, ему хватило сил и такта простить жене все глупости молодости и принять ее такой, как есть. Поэтому первое, что сделали счастливые молодожены, – это забрали назад ее сына.

Через три года она родила ему дочку, ушла с работы и занялась воспитанием детей. Бывшая бунтарка стала верной женой и прилежной домохозяйкой. Жизнь наладилась, устоялась и пошла по накатанной тысячами людей колее, с каждым днем ускоряясь все сильнее и сильнее. Годы мелькали, как верстовые столбы, одно лето сменялось другим...

Муж был на хорошем счету и постепенно продвигался по служебной лестнице. Через несколько лет они даже смогли позволить себе купить квартиру в хорошем спальном районе – небольшую, но очень уютную, с видом на парк. Муж ходил на службу, она крутилась по дому, поднимала детей. Вскоре любимый как-то погрузнел и стал выглядеть очень солидно, она тоже не молодела, но это ее не очень заботило. Все наполеоновские планы остались в прошлом, самостоя-

тельная жизнь вообще очень быстро отрезвляет. Она была вполне счастлива незатейливостью своего бытия, а бурную молодость вспоминала, как страшный сон.

Но, как оказалось, та юная амбициозная отличница с чертиками в глазах не умерла окончательно. Какая-то ее часть спряталась внутри почтенной матери семейства и однажды дала о себе знать.

Произошло это при почти анекдотичных обстоятельствах – однажды зимой во время гололеда ничем не примечательная домохозяйка поскользнулась на тротуаре и повредила ногу. Ничего серьезного, но полежать в постели пришлось.

Лежать в постели очень приятно. Первый день. А дальше начинают одолевать мысли. Так случилось и у нашей пострадавшей – проснулись те самые бесенята и начали толкаться в ребра, задавая неприятные вопросы.

Ей уже тридцать семь. Что ее ждет впереди?

Да ничего.

Уже – ничего. Все уже кончилось.

Они с мужем так и будут жить в этой новой квартире до самой смерти. Она так и будет вставать каждый день в семь утра, готовить завтрак, провожать мужа на работу, совершать турне по магазинам, плясать вокруг кухонной плиты и вечером интересоваться у благоверного, как прошел день.

И так – все те годы, что ей еще остались.

Ей скоро сорок. Пора посмотреть правде в лицо – игру с судьбой она проиграла с безнадежным счетом. Ни один из

тех авансов, что ей так щедро отсыпали в молодости, она так и не отдала. Из нее не получилось ни знаменитой журналистки, ни известной актрисы, ни влиятельного политика, знамени феминизма.

И уже не получится. Не из-за лени или по чьей либо злой воле – а по объективным обстоятельствам. Пенять не на кого. Все честно и справедливо. Новую жизнь начинать поздно, взять на работу сорокалетнюю женщину без образования и фактически без опыта работы может только безумец.

И в этом проигрыше нет ничьей вины, кроме собственной, – все возможные сроки для самореализации она успешно проворонила. Сначала было не до карьеры, выжить бы, потом дети были маленькие, а потом, когда все более-менее наладилось, оказалось, что все уже закончилось.

Поезд ушел. Вы опоздали, извините.

Нет, она, конечно, не жалуется, по большому-то счету судьба ее сложилась вполне благополучно. Если вспомнить все те глупости, что она натворила, то все могло кончиться куда печальнее. У нее хорошая семья, неплохой достаток, любящий муж, хорошие, действительно хорошие дети – ради них одних стоило жить. Вот только растут они очень быстро – сын уже практически взрослый, скоро восемнадцать, дочь тоже скоро невестой станет. Однажды они уйдут и уйдут навсегда – жить свою жизнь.

А она останется одна, проживать этот бесконечный день сурка домохозяйки – готовка-уборка-стирка-магази-

ны-глажка-вечерний-кофе, готовка-уборка-стирка-магазины-глажка-вечерний-кофе.

Хватит обманывать себя, тридцать семь – это почти сорок, и все отпущенное ей когда-то она уже почти растранижирила. От красоты с каждым днем остается все меньше и меньше, ум, правда, остался. И еще пришла мудрость.

Она уже давно не наивная дурочка – младший репортер с новомодной прической, она многое пережила и многое поняла. Ее ум по-прежнему остер, он впитывает окружающее, как губка, и перемалывает полученную информацию с методичностью водяной мельницы. Она знает о жизни больше, чем многие из успешных мужчин, она понимает этот мир безошибочным чутьем многое пережившей женщины.

Но зачем это домохозяйке? Кому все это надо?

Надо сказать, что наша героиня и впрямь почти не ошиблась в своих прогнозах. Она действительно осталась одна – дети выросли, а муж через несколько лет скоропостижно скончался. Все оставшиеся годы – а ей был отпущен долгий век – она прожила вдовой. И действительно так и не съехала никогда из неказистой квартирки в спальном районе с видом на парк. Правда, ей повезло с работой – она все-таки устроилась редактором в издательство, где и проработала на одном месте 25 лет, до самой пенсии.

Но этой житейской рутиной ее жизнь больше не ограничивалась.

И в тот зимний день 1944 года она неожиданно вспомни-

ла, как однажды дочь заболела воспалением легких, лежала в постели, а она сидела рядом и рассказывала ей сказку. Вот наша почтенная домохозяйка и решила, пока лежит со сломанной ногой, записать ее.

Сказку эту, правда, в издательстве отвергли: «Слишком странная у вас история получилась». Тогда наша героиня, рассердившись, приняла участие в конкурсе на лучшую книгу для девочек, объявленном тогда еще малоизвестным издательством «Рабен и Шёгрэн», и получила вторую премию за повесть «Бритт-Мари изливает душу».

После этого в 1945 году издали и ту, первую ее книгу. Это событие навсегда разделило ее жизнь на «до» и «после». Потому что книжка называлась «Пеппи Длинный-чулок», и с нее и началась всемирная слава женщины по имени Астрид Анна Эмилия Эрикссон.

По мужу – Линдгрэн.

Астрид Линдгрэн.

Наверное, самый великий детский писатель, которого дал миру двадцатый век.

Человек, который начал войну

Знаете ли вы Януария Алоизия? Нет, вы не знаете Януария Алоизия. Более чем уверен.

Тут сегодняшних-то властителей дум и инженеров душ прочесть некогда, а я про Януария Алоизия.

Знакомьтесь, Януарий Алоизий Мак-Гахан.

Классик мировой журналистики, американец, корреспондент Нью-Йорк Геральд и Дэйли Ньюс. Один из первых журналистов, кто сделал интервью полноценным жанром. Прототип как минимум двух персонажей в акунинском «Турецком гамбите» – этот человек был столь широк, что в одного персонажа не вмещался и пришлось разделить его между «французом» Д'Эвре, и британцем Маклафлином.

Но вообще то жизнь Мак-Гахана кроет любой авантурный роман. Остался сиротой в 7 лет, работал батраком на фермах, служил продавцом, учителем и бухгалтером, перебрался в Европу учиться праву. Юристом не стал, стал журналистом. Его репортажи с франко-прусской войны перепечатывали во всем мире. Именно он первым сообщил о восстании Парижской коммуны, именно его арестовывали доведенные статьями до бешенства французские власти. Посол США его вытащил, и зверски талантливого и столь же безбашенного журналиста отправили от греха подальше – в Рос-

сию.

Здесь он быстро выучил русский (у него вообще были невероятные способности к языкам), женился на русской (Варвара Николаевна Елагина, прошу любить и жаловать). Прослышав о войне с Хивинским ханством, втихаря пробрался в закрытый для иностранцев Туркестан, нанимает лошадей, пересекает пустыню Кызылкум, и появляется под стенами Хивы как раз накануне капитуляции. Офицеры смотрели на него как на приведение – по этому маршруту и большими караванами-то ходить опасались, туркмены были ба-а-альшие мастера грабежа.

Потом он вышивал в Испании, на Третьей карлистской войне, потом искал во льдах Северо-Западный проход с экспедицией Янга и чуть не погиб на той паровой яхте «Пандора». Впрочем, «чуть не погиб» – это рефрен его жизни.

А потом... Потом было главное дело его жизни. Именно он, по сути, спровоцировал русско-турецкую войну 1877-78 годов. Именно его статьи о зверствах турок в Болгарии в 1876 году вызвали едва ли не народные волнения в Европе. И этот общественный резонанс и вынудил британское правительство отказаться от поддержки Османской империи. Что развязало России руки и вслед за массой добровольцев пошли уже войска.

Естественно, прошел всю русско-турецкую войну, первым сообщил об окончательном поражении турок, был одним из немногих журналистов, кого великий и ужасный Игнатъев

пустил на подписание Сан-Стефанского мирного договора. Сидючи в Стамбуле, уже собирал вещи чтобы ехать в Берлин, на конгресс, но заразился брюшным тифом и через несколько дней умер. Сгорел как свечка.

Ему было 33 года.

В болгарском городе Елена ему поставили памятник.

Ниже вашему вниманию предлагается половинка его статьи «Андрей Александрович. Иван Иванов» (длинную вы все равно читать не будете, а тут и коротко, и по делу). Это из репортажей времен Хивинского похода.

Почитайте, не пожалеете. Во-первых, оцените как написано (полтора столетия назад!), а во-вторых... Маг-Гахан не только был одним из немногих иностранцев, который нас не боялся и не пугал нами своего читателя, но и, кажется, понял нас едва ли не лучше, чем мы сами себя понимаем. Как раз тот редкий случай, когда со стороны оказалось виднее.

... Иван Иванов состоит рядовым в полку Андрея Александровича.

Родился Иван Иванов крепостным Андрея Александровича и ничем не походит на этого молодого барица. Но чтобы верно оценить нрав Ивана Иванова необходимо иметь некоторое понятие и об отце его, Иване Михайлове. Иван Михайлов крестьянин, и целые поколения его предков были крепостными предков Андрея Александровича. В жизнь свою не видал

он ничего кроме тяжелой работы и самой плохой пищи. До освобождения крестьян приходилось ему работать четыре дня из семи на барина, на своих харчах, поставляя своих лошадей и орудия; на содержание же себя с семейством предоставлялось ему работать в остальные три дня.

Если принять во внимание что целых шесть месяцев в году в России и работать невозможно, благодаря климату, то понятное дело что жизнь на долю Ивана выпала не красная. Проработав, бывало, целый день на помещика, он еще половину ночи работает на себя и всю жизнь свою проводит на пустых щах с похлебкой да на черном хлебе. Жилище его состоит из одной избы в которой теснятся все члены семьи – старые старики и малые ребята. Женатые сыновья его с женами и детьми живут с ним же, в той же избе, в той же комнате. Нельзя и ожидать чтобы при подобных обстоятельствах Иван Михайлов мог отличаться особенною утонченностью нравов, образованием и просвещенным образом мыслей. Он, напротив того, отличается именно отсутствием всех этих качеств. Неразвит и суеверен он до крайности; но найдутся в нем и хорошие черты. По природе он не жесток и не безчеловечен, нет в нем никаких унижительных пороков. Слабая сторона у Ивана Михайлова та же что и у Наполеона I. Это фатализм. Действует он однако на Ивана Михайлова совершенно другим образом, не только не наделяя его безумною отвагой и решимостью на

всякий риск, а напротив того, развивая в нем какую-то безнадежность. У Ивана Михайлова нет восторженной веры в свою звезду. Он даже и не знает что у него есть звезда, а если и знает, то считает ее злополучною и обманчивою звездой, на которую не только нельзя полагаться, а скорее приходится ее избегать и проклинять.

Изба ли его загорится – Господня на то воля, и он оставляет ее догорать до тла. Грех противиться Божьему суду. Заболеет он – лечиться не станет по той же причина. Самому ли ему придется сплеховать, присвоить себе чужое добро или деньги – опять-таки не его в том вина, и он твердо стоит на том что его лукавый попутал, а сам он в деле том неповинен.

По правде говоря, в Иване Михайлове не существует никакой свободной инициативы. Целые века нравственного угнетения теготевишее над его предками и над ним самим довели его до этого фатализма. К чему противиться неизбежному? К чему бороться против неодолимого? И потому весь образ мыслей Ивана и все его чувства подернуты каким-то мрачным колоритом, проникнуты горечью и унынием.

Рассказы его все имеют трагическое окончание, самого его осаждают и угнетают сказочный мир вампиров, привидений и чертей, от лукавства и кровожадности которых нет

спасения. Слова его песен проникнуты тою же безнадежностью, все напевы в минорных тонах и отзываются безысходною грустью.

Все эти характерные черты найдутся и в Иване Иванове, с прибавлением еще нескольких особенностей. Оторванный в ранней молодости от семьи и друзей для того чтобы провести пятнадцать, двадцать лет на службе, он оставляет далеко за собой все обыкновенные людские надежды и желания. Целые двадцать лет приходится ему наполнить одною рутинной лагерной жизни. Нет у него в перспективе ни своего очага, ни семьи, ни детей.

Большую часть друзей молодости ему никогда уже не видеть. Он хорошо знает что задолго до того как ему вернуться на родину, его отец с матерью помрут, желанную выдадут замуж, братья с сестрами состарятся, да и самого его все успеют позабыть. Судьба разом перевернула всю его жизнь, сделала его другим существом. Быть-может вначале не раз приходилось ему всплакнуть над своею горькою долей: бедная изба его, конечно, была не очень удобна и привлекательна, но все-таки там он был под родным кровом, и никогда, быть-может, туда не возвратится. Но прошли годы, и великая государственная машина отлила и его в общую форму, подвела под общий уровень. И вот с тех пор зажил он живым автоматом, покорный воле недостижимой

для критики его простого разума; слепо покорился он своей участи, не пытаясь сопротивляться. Да и не в его природе бороться против неотвратимого. На то была Божья воля, бесполезно и грешно на нее роптать, и махнул Иван Иванов на прошлое рукой, стараясь применить к настоящему.

Наконец вечное возбуждение и оживление солдатской жизни заставляет его забывать о родных покинутых на дальней родине. Хоть и мало у него надежд впереди, да за то и терять ему больше нечего, не предвидится больше горя, и вот он делается самым веселым малым, безшабашною головой.

Главный источник увеселения Ивана состоит в песнях. Поет он с утра до ночи. На ходу не замолкает он в течение целых часов. В репертуаре его найдутся песни в целые сотни стихов, и поет он их с начала до конца с полным довольством этою утехой. Среди пустыни – в Иркибае, Хала-Ате, Алты – Кудуке, когда и воды ему выдавалось по кружке в день, и тогда бы могли его видеть стоящим в полукруге пятнадцати, двадцати товарищей и поющим что есть мочи и надо заметить что в пении этом видит он для себя занятие далеко не маловажное, которое можно бы выполнять спустя рукава. Потому, когда поет наш Иван, то всегда стоит на ногах, а товарищи собираются вокруг него и подтягивают ему хором чуть ли не при конце каждого стиха. В весе-

лье его чувствуется даже какое-то преувеличение. Неприличие некоторых его песен доходит до такой несообразности что утрачивает самый свой характер неприличия, переходя в какую-то смешную нелепость.

Вера Ивана Иванова в честность и способность своих офицеров поистине похвальна и назидательна. Он твердо убежден в их непогрешимости и вполне уверен что что бы они ни делали, лучше того не придумать, удачнее того не исполнить. Потому он никогда и не бунтует. Другие солдаты стали бы роптать на то что им не выдается молока к кофе или мяса хоть раз на день. Иван же и не снизойдет до того чтобы жаловаться на такие пустяки. Если не выдается ему мяса, то уж конечно оттого что его нет. Если выданное мясо уже начало портиться, то понятное дело виновата в том жара, против которой ничего не поделаешь. Сапоги ли его оказываются никуда не годными и ноги Иван отморожит – виноват в том мороз. Сухари его подточат черви – виноваты в том черви. Ему и в голову не приходит никого осуждать и упрекать. Если по какой оплошности или ошибке попадет он под огонь, где товарищи его падают вокруг сотнями и полку его грозит верное истребление – опять-таки Божья на то воля и нечего больше делать как ей покориться. Ему никогда и на мысль не приходит бегством исправить ошибку начальников. Словом, Иван Иванов держится того убеждения что все ведет к лучшему и охот-

но принимает вещи в том виде в каком они ему представляются. Он вполне удовлетворяется жизнью при одном черном хлебе и чае, и никогда не подумает жаловаться.

Некого Ивану Иванову любить кроме товарищей и офицеров, и вот он привязывается к ним страстно, но бессознательно. Нередко случается пасть на месте восьми, десяти солдатам под неприятельским огнем, в то время как они пытаются увести раненого товарища. В Иване не найдете вы никакого мелодраматизма. Он совершит самый героический подвиг даже и не думая о том что совершает действие необыкновенное, заслуживающее похвалы. В Иване коренится какой-то бессознательный, но тем не менее величественный героизм. Эта именно его черта и заставила сказать о нем Наполеона: "Мало убить Русского солдата – надо его еще с ног свалить".

Об иностранцах у Ивана сложилось понятие совершенно своеобразное. Для него все они бунтовщики против Батюшки-Царя. Англичане, Французы, Немцы, Азиаты, все подряд мятежники; и он вполне уверен что рано или поздно все человечество покорится власти законного православного Царя. В Иване не проявляется никакой неприязни ко врагу, он его и не ругает. Не будь они мятежниками – все они прекрасные люди. Он даже не оспаривает и храбрости их. Потому вы редко услышите от него презрительный отзыв о

враге, что так обыкновенно в среде других солдат. В том, быть-может, и заключается причина что Иван не поддается панике; никогда враг не может удивить его каким-нибудь нечаянным нападением, потому что того он только и ждет.

Иван Иванов, одним словом, совершенный идеал солдата и нельзя не сознаться что он лучший солдат во всем мире.

"Золото Осипова" или о ненайденных кладах

Бывший поручик царской армии Константин Павлович Осипов делал неплохую карьеру. Накануне Февральской революции он уже служил вторым адъютантом у генерала Полонского в Фергане, сразу же после Февраля начинает революционную деятельность и становится членом Совета солдатских депутатов. Впоследствии примыкает к большевикам. Отличился в боях по разгрому Кокандской автономии и белоказаков под Самаркандом.

В 22 года – военный комиссар Туркестанской республики, фактически – министр обороны не самого маленького государства. Однако дела у большевиков пошли не очень хорошо, Гражданская война в стране разгорается, и Осипов решает, что поставил не на ту лошадь.

Вечером 18 января 1919 года Константин Осипов поднимает мятеж в Ташкенте. Он без суда и следствия расстреливает большевистское руководство республики (знаменитые 14 туркестанских комиссаров), верные ему войска захватывают почти весь город, но в железнодорожных мастерских и военной крепости большевикам удалось удержаться и отбить атаки путчистов. На следующий день большевики, наскоро

сформировав рабочие дружины, переходят в наступление и начинают отбивать город.

Вот что писал об этих событиях сын "паршивой овцы дома Романовых", Александр Николаевич Искандер-Романовский в своих мемуарах:

«Итак, иду и являюсь в штаб повстанцев. Меня любезно встречают Осипов, Гагенский и К. Меня покорило, что они были пьяны. Но может быть, выпить пришлось для успокоения нервов и для храбрости. Получаю винтовку и в командование роту мадьяр, с которыми и беру с налёта кладбище с засевшими там большевиками. Затем мне дают человек шестьдесят детей: гимназистов, кадетиков и штатских „добровольцев-охотников“. Половина, если не больше, из них и ружья никогда не держала в руках. Пришлось, на скорост, учить их хоть обращаться с ружьем и показать, что нужно делать, чтобы не выпалить случайно в спину своему же товарищу. С этой „ротой“, мне дано было приказание охранять указанный район. Но у детей воодушевления и старания оказалось много, и все обошлось без „несчастных случаев“. В первой же стычке с взрослыми большевиками они так подбодрились, что обезоружили их и взяли в плен человек тридцать пять... Наша „детская игра“ длилась всего сутки. До нас иногда доходили слухи о том, что делается в городе. За это время нас раза два покормили и напоили горячим чаем жители занятого нами квартала. Но вот прибегает под вечер второго дня гимназистик и

шепчет мне, что „отряд повстанцев покинул город, восстание сорвано рабочими, бывшими на нашей стороне“. Спровоцированные большевиками-главарями (по нашему, конечно, упущению), они были приглашены явиться якобы за оружием и патронами в мастерские завода. Их впустили и затем заперли там, угрожая оружием. Восстание лишилось главных сил. Решил проверить „донесение“ и с четырьмя „телохранителями“ пошёл на главную почту, которая была недалеко. Прихожу и вижу полную растерянность и отчаяние среди там присутствующих повстанцев ... Задумался, что делать. Решил, что надо сперва спасать „детскую роту“. Приказал им немедленно засунуть куда-либо оружие и бежать домой к их родителям (верно, уже потерявшим голову от беспокойства – за некоторыми матери уже приходили и за руку уводили воинов горько плачущих), ложиться спать, а наутро никому ни слова о том, где они были и что делали накануне. Будто это все они во сне видели. Всю речь к детям держал насколько мог убедительно ...: Обещали всё исполнить в точности...»

Действительно, поняв, что блицкриг не удался, Осипов лично приезжает в здание Народного банка Туркестанской республики и выгребает оттуда все. Изъято три миллиона рублей николаевскими кредитками, 50 тысяч рублей золотыми монетами, драгоценностей и золотых изделий на четыре миллиона и валюта – фунты стерлингов, франки, бухарские таньга, индийские рупии...

После этого осиповцы уходят из города в направлении Чимкента. На подходе к Чимкенту отряд разгромлен посланной в погоню группой преследования и конным отрядом в 200 сабель под командованием Лая. Осипов с уцелевшими людьми уходит в горы, надеясь прорваться за границу. Им удается захватить высокогорное селение Карабулак и укрепиться в нем. Дальше были высокогорные перевалы, которые, как считалось, непроходимы в зимнее время.

На тот момент у осиповцев оставалось около ста человек, два пулемёта и дюжина лошадей. Но они держались за свой последний рубеж обороны до последнего патрона и лишь ночью ушли в горы. Утром красные вошли в кишлак. Осмотрели брошенные противником позиции и в доме местного бая нашли сундук, набитый николаевскими кредитками. Поскольку больше ничего ценного найдено не было, то посчитали, что золото и драгоценности Осипов унёс с собой.

Преследование продолжилось. У высокогорного озера Ихначкуль сорвавшаяся с горы снежная лавина раздавила 65 человек из отряда мятежников и почти одновременно с этой природной катастрофой настигла их погоня, вынудив вновь вступить в бой. Напрягая последние силы, теряя последних приверженцев, Осипов уходил всё дальше, иной раз проваливаясь по грудь в снежные наносы. К Пскемскому перевалу ушло не более 20 человек.

Их не преследовали — понятно было, что люди идут на верную смерть, и последовать их примеру не очень рвались.

Решили, что и Осипов, и драгоценности остались под лавиной и решили дожидаться весны. Весной местные жители (под присмотром чекистов) откопали тела погибших в лавине осиповцев. Но ценностей не нашли. Не было среди погибших и главаря.

А летом стало известно, что Осипов все-таки выжил, прошел и Пскемский, и Чаткальский хребет и примкнул к банде известного басмача Мадамин-Бека, у которого служит военным советником. После нескольких поражений банды в боях с красными отрядами Осипов со своими людьми уходит в Бухару. Советская республика настойчиво требовала выдачи Осипова по дипломатическим каналам, и бухарский эмир даже выдал несколько его соратников, но Осипову, по словам эмира, опять удалось бежать. После этого следы честолюбивого поручика теряются. По слухам, его видели в Афганистане, в Кабуле в 1926 году.

Так и представляешь себе седого дедушку в Кабуле 1980-х с прищуром смотрящего на ходящих по городу с автоматами "шурави". Хотя человек с такими амбициями мог и дальше податься, в Европу или Америку.

Этот сюжет, надо сказать, очень любили советские киношники. В фильме "Крушение эмирата" Осипова сыграл Владимир Балашов. Там его, правда, зачем-то сделали спивающимся при дворе эмира полковником, хотя фамилию сохранили.

В фильме "Это было в Коканде" предателя и мятежника

Зайченко, прообразом которого стал Осипов, сыграл Александр Кайдановский.

"Осиповские мотивы" активно использовались в фильмах "Пароль – «Отель Регина»" и "Гибель Черного консула".

Вот только все эти фильмы получились так себе. Поэтому их уже никто не помнит, да и "осиповский мятеж" забыт давным-давно.

А «Золото Осипова» не найдено до сих пор. Предположительно – спрятано где-то в горах во время бегства. Считается одним из самых знаменитых ненайденных кладов на территории бывшего СССР.

Вся правда о лузерах

Пробежался по френд-ленте. Наткнулся на два очень личных постинга, сразу двое приятных и уважаемых мною людей маются тем, что возраст уже к сорока, а они по большому счету так ничего в своей жизни и не добились.

В последние годы понятие «неудачник» совершенно неожиданно очень актуализировалось. Добиться успеха важно было всегда, но никогда еще не было так постыдно его не добиться.

«Ты – лузер» стало одним из самых обидных оскорблений. Люди, особенно молодые, бьются рыбой об лед, и выпрыгивают из шкуры – лишь бы успеть, запрыгнуть на подножку, доказать всем, и особенно самому себе, что они круты и в порядке.

А если не удастся добиться и доказать – часто ломаются. Иногда очень серьезно ломаются. С очень болезненными последствиями. Потому что общество, и, самое главное – люди, которые это общество составляют – требуют от них все и сразу. Ты, неудачник, на метро едешь, и даже в ресторан девушку пригласить не можешь? Лузер, да ты посмотри хотя бы на своих однокурников. Как они одеваются, на чем ездят, где обедают, и куда отдыхать ездят. А ты...

Неудачник.

Вы знаете, самая большая глупость в жизни – это поддаться на эти настроения. Ожидать всего и сразу. Знали бы вы, сколько моих знакомых-приятелей на этом себе жизнь сломали. И добро бы только себе.

Быстро родятся только кошки. А успех всегда приходит вовремя. Вот только когда это «вовремя» наступит – нам знать не дано. Можно лишь каждый день трудолюбиво готовить почву для успеха, ожидая.

И всегда знать, что ничего еще не кончено. Ни в 20, ни в 30, ни в 40, ни в 50.

Хотите, расскажу историю про одного лузера?

Однажды в Сибири, в богом и людьми забытом поселке Курейка проживал-горевал один неудачник. Самый натуральный неудачник, эталонный образец, без подмеса.

Он не выдержал. Хроническое лузерство его сломало. Он опустил, перестал следить за собой, перестал умываться, перестал даже мыть за собой посуду. Это была образцово-показательная депрессия неудачника.

Целыми днями он валялся на кровати, накрывшись драгой шубейкой, слушал свистящую среди торчащей из снега полыни поземку, и маялся. Маялся оттого, что жизнь почти прожита, а итоги подводить страшно. Не сделано ничего. В прошлом – неудачи, в настоящем – тоска, а завтрашний день не сулит ничего.

Ему уже почти сорок лет, скоро пойдет пятый десяток, а

в жизни он не сделал ничего, растранив все свои шансы. Ему от природы достались неплохие мозги и отменное трудолюбие, но он просрал даже это. Попытка получить нормальное образование, которое его бедные родители тянули из последних сил, кончилась провалом – курс закончить не получилось, его вышибли.

Он связался с людьми, которые были не в ладах с законом, пошел, по мнению соседей, друзей и родственников, по скользкой дорожке. Несколько раз был судим по мелочи, а вот теперь попал, судя по всему, уже серьезно.

С личной жизнью тоже полный швах. Попытка создать семью не удалась, с женой он прожил всего лишь три года. Ну а после того, как он потерял жену, никто особо не рвется на ее место. Кому он такой нужен? Вот уже семь лет он и живет один.

На карьере в нормальном мире можно смело ставить крест – кто его возьмет на нормальное место, с четырьмя-то судимостями? Но обиднее всего то, что и в своей среде он в итоге не состоялся. Оказался никем.

Так... Рабочая лошадка, один из толпы, о котором никто не слышал и никто, кроме ближайшего окружения, его не знает. Таких в базарный день – рубль пучок. Рядовой. Обычный. Один из толпы.

А ведь люди взлетают по жизни как на лифте, вон, один – пацан ведь еще, молоко на губах не обсохло – вернулся из такой же ссылки, и уже через год был в числе вождей,

лидеров, топ-менеджеров. Тех, кто определяют стратегию.

А он, который много старше этого мажора – по прежнему никто. Его попытки что-то сделать, предложить какое-нибудь неожиданное решение у записных винеров вызывают лишь плохо скрываемые усмешки. А если кто-нибудь из этих хорошо образованных молодых людей со столичным лоском, и попытается иногда его одобрить, похлопав по плечу – это стыдная жалость бесит больше, чем смешки.

Природа, к несчастью, положила ему достаточно ума, чтобы понимать всю позорность этой жалости, он может увидеть это клеймо «бесперспективный кадр», которое ему не свести. Но вот ума и воли для того, чтобы все-таки вырваться наверх, стереть с себя печать лузерства, она ему, похоже, не отпустила.

Жестокая ирония.

Как ни крути, как ни успокаивай себя, а надо называть вещи своими именами. Свою жизнь он просрал.

36 лет. Ни семьи. Ни работы. Ни образования. Ни профессии. Ни дома. Ни даже своего угла. Из нормальной жизни он вычеркнул себя сам.

На карьере можно ставить крест – если ты два десятка лет проходил в рядовых, смешно ожидать, что станешь генералом.

Жизнь кончена, дальше его ждет постыдное и тоскливое доживание.

Депрессия была настолько сильной и настолько затяжной,

тоска так рвала и крутила его душу, что находиться рядом с ним было решительно невозможно.

Даже его единственный приятель, оказавшийся в то время рядом, не выдержал, и съехал со съемной хаты, которую они снимали. Не выдержал его предельной апатии, разочарованности и нежелания следить даже за собой.

О чем с присущей ему деликатностью и писал в письме приятелю:

«Со мной старый знакомый – [skip]. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны "мелочей жизни" и виден. Нет места для проявления крупных черт. С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся».

Из депрессии наш лузер все-таки выбрался.

Через полгода у него начнется роман с женщиной, которая станет его второй женой.

Через несколько десятилетий он будет править половиной мира.

Фамилию и имя нашего хронического неудачника называть, думаю, уже не надо.

Непонятливым гуглить сочетание «ссылка + Курейка».

В дальнем сонном Оренбурге

Если кто и может похвастаться тесной связью литературы и шпионажа, так это старая добрая Англия. Нет, безусловно, другие страны тоже могут напомнить о какой-нибудь связи автора «Севильского цирюльника» со спецслужбами, но смотрится это мелко. Если по-честному, то никто больше не может предъявить такое созвездие штатных сотрудников спецслужб, снискавших всемирную славу именно на писательском поприще: Даниэль Дефо, Грэм Грин, Джон Ле Карре, Сомерсет Моэм, Ян Флеминг...

Нет, мы тоже, конечно, можем вспомнить Зою Воскресенскую, всесоюзно известную детскую писательницу с совокупными тиражами в десятки миллионов экземпляров, в биографии которой, как выяснилось, нашлось место многолетней работе за рубежом в качестве разведчика-нелегала под личным кураторством генерала Судоплатова, репутации одного из лучших аналитиков советской внешней разведки, званию полковника и т.п.

Но если не врать самим себе, то всех наших шпионов, волею судеб ставших профессиональными литераторами, сегодня помнят разве что литературоведы, места в русской литературе они себе как-то не выслужили.

Однако был в нашей истории эпизод, когда российский

литератор самого что ни на есть первого ряда принимал деятельное участие в довольно-таки жесткой схватке разведывательных спецслужб двух крупнейших империй мира: Британской и Российской. В этой истории есть все атрибуты шпионского романа – агенты-нелегалы и экзотические страны, дерзкие рейды и дипломатическое прикрытие, предательство и джентльменство, умопомрачительные карьеры и негодование сильных мира сего, смерть загадочная и смерть страшная – и многое, многое другое. И все это – на фоне какого-то даже неправдоподобного присутствия Ее Величества Литературы. Достаточно сказать, что практически все задействованные в этой операции разведчики имели прямые родственные связи с мировой литературой.

Эта история началась в 30-х годах XIX века, точнее – в 1833 году, когда в славный город Оренбург прибыл новый губернатор – Василий Алексеевич Перовский.

Как его отрекомендовал кто-то из ехидных современников, «человек без предков, но с кучей родственников и необоримыми связями при дворе». И это действительно так, Василий Алексеевич был одним из самых знаменитых бастардов империи, внебрачным сыном графа Алексея Разумовского от дочери его берейтора, мещанки Марии Михайловны Соболевской. И родственников у него действительно хватало – так как представитель одной из могущественнейших фамилий империи прожил в этом, как бы сегодня сказали, гражданском браке более 35 лет, то результатом

этой морганатической связи были десять детей, получивших фамилию «Перовские» в честь подмосковного имения Разумовских Перово. И, кстати, без Ее Величества Литературы не обошлось – новоявленный оренбургский губернатор был родным братом Алексея Алексеевича Перовского (более известного как литератор Антоний «Черная курица» Погорельский) и родным дядей как писателя Алексея «Порядка только нет» Толстого, так и всех трех братьев Жемчужниковых, в сообществе с которыми и был создан великий мыслитель Кузьма Прутков.

О новом губернаторе оренбуржцы судачили долго. Василий Алексеевич был знаменит тем, что 17-летним юнцом был ранен под Бородином, потерял, среди прочего, треть среднего пальца, на котором с тех пор он носил золотой наперсток, к которому прицеплена была цепочка с лорнетом. В Москве попал в плен и пешком с обозом маршала Дау дошагал до Франции, в 1814-м сумел бежать и вернулся на Родину с дошедшими до Парижа казаками. Приключения будущего графа в Первую Отечественную стали источником вдохновения для литератора Г. П. Данилевского при написании романа «Сожженная Москва». Потом Перовский якшался с декабристами, был членом «Союза Благоденствия», но 14 декабря 1825 года принял сторону императора, и на Сенатской площади получил поленом в спину. Николай этого не забыл и сразу при воцарении назначил Перовского флигель-адъютантом. Обласканный бастард вновь отличился в турецкую

войну 1828 года, взяв штурмом Анапу, под Варной был тяжело ранен и принужден отказаться от строевой службы. Как следствие – 38-летний Перовский назначается в Оренбург, и ни до, ни после этот славный край не знал столь молодого губернатора.

Здесь следует иметь в виду, что Оренбург тогдашний и Оренбург сегодняшний – это два разных города.

Дело даже не в пограничности тогдашнего Оренбурга. Просто этот трижды рожденный город появился на свет как часть глобального проекта по освоению Великой Степи и это сразу определило его облик и функцию. Это южная столица страны, центр управления «Россией кочевой», дипломатический и разведывательный центр, связывающий Россию с государствами Азии. И в таком качестве он пробудет еще минимум полвека, пока эти функции плавно не перейдут к Ташкенту, а Оренбург медленно переродится в обычный провинциальный уральский город. В 30-е же годы все еще десятикратно усугубилось тем, что продвижение Британской империи вверх по Инду, а империи Российской – вниз по Великой Степи пришло к закономерному итогу. Две конкисты почти столкнулись, и разведчики империй оказались лицом к лицу в регионе, который позже назовут «Центральной Азией». Ни тех, ни других эта встреча совсем не порадовала.

Началась воспетая Киплингом Большая игра, и в Оренбург по высочайшему повелению отправился молодой, деятельный и амбициозный губернатор. Прибыл он в край со

своей командой, где, помимо прочих, был и начинающий литератор, пишущий под псевдонимом «Казак Луганский» – Владимир Даль, назначенный чиновником для особых поручений при губернаторе.

Должность обязывала, и бывшего военного моряка, бывшего врача, а ныне чиновника сразу же отправляют «в поле» – знакомиться с краем ногами и узнавать обстановку на месте. Намотав в седле более двух тысяч верст, через месяц Даль возвращается в Оренбург и тут Ее Величество Литература вновь решила напомнить о себе. В Оренбург – «нежданный и нечаянный» – прибывает его давний знакомец, поэт Александр Пушкин. По тем временам Пушкин в Оренбурге – куда круче, чем сегодня «Манчестер Юнайтед» в Ростове. Провинциальные фанатки солнца русской поэзии натурально сходили с ума: «Две знакомые барышни узнали от нее (молодой жены Даля – ВН), что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, видели, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные». Кстати, по мнению В. Соллогуба, именно в ходе этого визита и возник сюжет одной очень известной пьесы. В Оренбурге Пушкин «узнал, что о нем получена гр. В. А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтоб был

осторожен, так как история пугачевского бунта была только предлогом, чтобы обревизовать секретно действия оренбургских чиновников». Пушкину об этом со смехом рассказал Даль, а потом и сам Пушкин пересказал байку Гоголю.

Смех смехом, но под Перовского, похоже, действительно кто-то копал. И проявилось это именно в сфере внешней разведки. В России тогда не было спецслужбы, занимавшейся подобной деятельностью, в Оренбурге, например, сбором различных сведений политического, экономического и военного характера занимались три структуры, относившиеся к разным ведомствам. Это Оренбургская пограничная комиссия (министерство иностранных дел), штаб Отдельного Оренбургского корпуса (военное министерство) и Оренбургский таможенный округ (министерство финансов). А вот координировал их разведывательную деятельность губернатор края, он же сводил воедино всю собранную информацию для окончательной оценки и принятия решений, докладывал остановку в Петербург и ставил первоочередные задачи на местах.

Перовский, едва успев принять дела, решает качественно усилить разведывательную деятельность, и посылает в Азиатский департамент МИДа секретное послание, в котором предлагает отправить в среднеазиатские ханства российского агента, причем «потребность сия кажется сделалась еще необходимее с появлением в Бухаре и Хиве двух путешествовавших англичан». На эту роль Перовский предлагает

портупей-прапорщика Ивана (Яна) Виткевича, полиглота и человека невероятной биографии.

Ян Виткевич был сыном литовского шляхтича, и, между прочим, родным дядей польского писателя, теоретика искусств и художника Станислава Виткевича. Того самого, в честь которого польский Сенат объявил 2015 год годом Виткевича. В неполные 14 лет за участие в тайной польской антиправительственной организации «Черные братья» Ян Виткевич был приговорен судом к пожизненной сдаче в солдаты и отправлен в Оренбург, в Орскую крепость. Перспектива гнить в солдатах до гробовой доски выглядит малопривлекательно, особенно в столь юном возрасте. Виткевич решает бежать из Оренбурга через Индию, и, готовясь к побегу, учит фарси и тюркские языки – разговорные узбекский и казахский и литературно-письменный чагатайский. У юноши оказались феноменальные лингвистические способности (в неполные 30 лет Виткевич свободно владел 16 языками) и вскоре на всех этих восточных языках он говорил без малейшего акцента.

Все изменила встреча с путешествовавшим по России известным натуралистом Александром Гумбольдтом. Познакомившись поближе к приставленным к нему в качестве переводчика носатым солдатом и проникшись к нему искренним сочувствием, Гумбольдт принялся оббивать пороги высоких кабинетов в Оренбурге и Петербурге, в итоге добившись своего. Виткевич был произведен в унтер-офицеры и

переведен на работу в ту самую «шпионскую» Оренбургскую пограничную комиссию, где вскоре стал лучшим полевым агентом и лучшим знатоком «туземного населения». С местным населением Виткевич в основном и работал, приводя их в священный трепет своим знанием шариата и умением цитировать Коран наизусть страницами.

Перовский быстро оценил огромный потенциал Виткевича в качестве разведчика и, предлагая его кандидатуру, писал: «... в течение десятилетнего пребывания своего в здешнем крае прилежно обучался татарскому и персидскому языкам, на первом говорит весьма свободно, а на втором объясняется без нужды, одарен отличными умственными способностями, был послан неоднократно в киргизскую степь по поручениям, которые всегда исполнял удачно и благоразумно, сделал навык к трудным в степи путешествиям и по молодости, здоровью, сметливости и знакомству с ордынцами имеет все свойства к тому, чтобы совершить путешествие в Бухарию и обратно с желаемым успехом... Путешествие сие хоть и сопряжено с опасностью, но она весьма уменьшается вышеописанными свойствами Виткевича и знакомством его с караванными вожаками».

Аргументируя необходимость отправки агента происка-ми англичан, Перовский даже не подозревал – насколько он был прав. Упомянутые в письме «два англичанина» – полевые агенты Ост-Индийской компании Уильям Муркрофт и Джордж Требек посещали Бухару восемь лет назад, в 1825

году и были убиты на обратном пути. Однако именно сейчас в Центральной Азии всходила звезда юного лейтенанта Александра Бернса – разведчика божьей милостью и двоюродного племянника великого шотландского поэта Роберта Бернса.

Посетив Кабул и Бухару в прошлом, 1832 году, ныне он в Лондоне наслаждался заслуженной славой. Кстати, написанная Бернсом во время морского путешествия книга стала одним из самых шумевших бестселлеров своего времени, только первое издание принесло автору невиданную сумму – £800.

Тем временем в Оренбург пришел ответ из Петербурга – кандидатуру Виткевича зарубили из-за политической неблагонадежности. Как сообщал Перовскому военный министр граф Чернышев в письме от 11 октября 1833 года: «Его Величество хотя и изволит признать прежние поступки его (Виткевича – ВН), за которые он назначен на службу рядовым в Оренбургский Отдельный корпус, следствием его тогдашней молодости, но находя неудобным верить столь важное поручение подобному лицу, не имеющему при этом офицерского чина, высочайше представляет Вам, милостивый государь, избрать для отправления в Бухарию другого опытнейшего и благонадежнейшего чиновника».

Делать нечего – начали искать замену. И она нашлась – в лице Петра Ивановича Демезона.

Этот француз на русской службе работал переводчиком в

Оренбургской пограничной комиссии. До этого он преподавал арабский и персидский языки в оренбургской Неплюевском военном училище и считался непревзойденным фехтовальщиком: Демезон многократно назначался судьей на состязаниях офицеров гвардии. Можете сами оценить – какие типажи тогда проживали в провинциальном Оренбурге. Демезон рискнуть согласился, получил инструкции напрямую от Перовского и осенью 1833 года отбыл с караваном казаха Алмата Тюлябергенкова в Бухару под видом татарского муллы мирзы Джаффара. Вернулись они летом следующего 1834 года, выполнив – хоть и без блеска – задание, за что и были награждены. По настойчивому ходатайству Перовского П.И. Демезон получил орден Святой Анны III степени, а караван-баши Алмат Тюлябергенков, «способствовавший благополучию его поездки и возвращения» – серебряную медаль.

Меж тем «дело Виткевича» вовсе не закончилось. Кто-то как будто очень хотел подставить Перовского, причем именно посредством осужденного поляка. Письмо Чернышева, отклонившее кандидатуру Виткевича, было отправлено из Петербурга 11 октября. А 27 октября арестант Андрей Стариков, содержащийся в оренбургском тюремном замке, подал коменданту города генерал-майору Глазенапу донос о том, что оренбургские поляки, «будучи огорчены несчастным последствием польской революции», задумали убить Перовского, затем коменданта и всю военную и полицейскую верхушку города, после чего поднять мятеж и захва-

тить Оренбург. Об этом Старикову якобы рассказал рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона поляк Людвиг Мейер, сидевший в том же замке за попытку побега в казахскую степь. Главари заговора назывались неизвестный француз и трое поляков – сотрудники Оренбургской пограничной комиссии Томаш Зан и Ян Виткевич, а также осужденный вместе с Виткевичем по делу «черных братьев» унтер-офицер 2-го линейного батальона Виктор Ивашкевич.

Разбираться с «делом поляков» Перовский отправил прекрасно знающего польский язык чиновника по особым делам В.И. Даля, и подпись нашего великого лексикографа стоит первой в протоколах допросов обвиняемых. Дело, как и ожидалось, оказалось выдуманным от начала до конца и развалилось еще при предварительном следствии. Но как минимум один результат оно принесло – Даль и Виткевич стали если не друзьями, то очень близкими приятелями. Как недавно было установлено оренбургскими историками, оба молодых человека вошли в ближний круг доверенных лиц Перовского. Так, именно в сопровождении Даля и Виткевича оренбургский губернатор в августе 1834 года совершил поездку в недавно заложенное Ново-Александровское укрепление на Каспии. А много лет прослуживший в Оренбурге (и активно участвовавший в Большой игре) генерал И. Ф. Бларамберг прямо пишет в своих воспоминаниях: «...Василий Перовский, после того как узнал Виткевича поближе, произвел его в офицеры, сделал своим адъютантом и посы-

лал несколько раз в киргизские степи и даже два раза в Бухару».

Сразу хочу отметить, что в этом деле, как и во всяком, где замешана внешнеполитическая разведка, до сих пор хватает белых пятен. Причины понятны – тот же Даль в письмах сестре несколько раз отмечает, что не обо всех своих делах он может рассказывать в подробностях. Неоспоримо одно – будущий автор «Толкового словаря живого великорусского языка» непосредственно участвовал в разработке и осуществлении внешнеполитических проектов губернатора Перовского. Это видно из архивных материалов – как официальных документов, так и личных заметок и писем.

Но вернемся к Виткевичу. О том, что Перовский несколько раз отправлял Виткевича в Бухару, не информируя об этом Петербург, свидетельствует не только Бларамберг. Да и самая знаменитая бухарская миссия Яна Викторовича 1835-36 года происходила как минимум странно. Хотя бы потому, что идею о поездке Виткевича в Бухару и Хиву, о которой ходатайствовал матерый волк Большой игры, председатель Оренбургской пограничной комиссии Григорий Федорович Генс, Перовский официально отверг с негодованием. В результате Виткевича отправили вовсе не в Бухару, а в казахскую степь – для разбора взаимных претензий между казахскими родами. Самая что ни на есть рутинная рутина, так как взаимных претензий у казахов всегда было больше, чем блох у дворовой собаки. 9 ноября 1835 года Виткевич

выехал в полевую командировку но, как убедительно доказал наш лучший исследователь Большой Игры профессор Халфин, Ян Викторович вовсе не намеревался ехать к казахским зимовкам, а сразу направился в Бухару.

Причины столь радикального изменения маршрута Виткевич в отчете объясняет более чем туманно – мол, «обстоятельства принудили». Что же это были за обстоятельства, из-за которых Виткевич не только не понес наказания за самоуправство, но и сделал невероятный карьерный рывок? Точного ответа документы до сих пор не дают, а исследователи до сих пор ограничиваются разнообразными гипотезами. Например, такими.

Главные усилия англичан в тот период, как известно, были сосредоточены на разработке афганского эмира Дост-Мухаммеда. Именно его «работал» в Кабуле Александр Бернс, и на первый взгляд – вроде бы с успехом. Не случайно, когда Виткевич собирался в командировку в Бухару, Бернс яростно добивался в высоких кабинетах разрешения создать в Кабуле постоянную миссию. Известно также, что на встрече Виткевича с бухарским кушбеги, вторым человеком в эмирате, деятельность Бернса в Бухаре обсуждалась очень подробно. И, наконец, главное – из Бухары Виткевич возвращается не один, а с послом кабульского эмира Дост-Мохаммад-хана Хуссейном Али.

Не секрет, что в Оренбурге информацию из стран Центральной Азии отслеживали на постоянной основе, а поз-

же вообще была создана настоящая агентурная сеть, причем некоторые информаторы, вроде купцов Батырхана Шагиморданова или Баймухаммеда Джангильдина не только много лет работали на постоянной основе, но и получали российские награды за свою агентурную деятельность. Поэтому мы вполне можем допустить, что в Оренбург попадает информация о том, что в Бухару прибыл афганский посланник Хуссейн Али. Стоит ли удивляться, что в Бухару в пожарном порядке отбывает Ян Виткевич, лично знающий Хуссейна Али еще с 1831 года. Тогда поляк работал переводчиком в прибывшей в Оренбург миссии афганского принца Ша-Заде, и свел знакомство Хуссейном Али, входившем в состав афганской делегации. Причем все это делается якобы «за спиной» у губернатора, которого при проигрыше надо вывести из-под удара. Все по вечным в России принципам «победителей не судят» и «или грудь в крестах или голова в кустах».

На сей раз смелость город взяла. В апреле 1836 г. Виткевич в сопровождении Хуссейна Али триумфально возвращается в Оренбург. Даль в то время сидел на обработке текущей разведывательной информации – разбирался с «расспросными листами» русских пленников, бежавших, или, как говорили тогда, «выбежавших из плена» в Хиве или Бухаре. Впрочем, Перовский не был бы Перовским, если бы не использовал все имеющиеся ресурсы досуха. Так и сейчас – Даль не только работал с информацией, но и занимался тем,

что сегодня бы назвали «обработкой общественного мнения». Петровский сполна использовал писательский талант своего чиновника по особым поручениям, и множество литературно обработанных рассказов бывших пленников (Якова Зиновьева, урядника Попова, Федора Грушина, Тихона Рязанова, Андрея Никитина, портупей-поручика Медяника) были опубликованы Далем в столичных периодических изданиях и вызвали огромный интерес у читающей России.

Впрочем, с возвращением Виткевича из Бухары эту работу пришлось отложить. Виткевич излагает, а Даль в рекордные сроки записывает за своим другом «Записку, составленную по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно». Этот отчет лучшего российского разведчика, записанным одним из лучших российских литераторов, очень долго был засекречен и полностью обнародован только в 1983 году, полтора столетия спустя.

Перовскому оставалось только одно – правильно подать дипломатическую победу оренбуржцев в Петербурге, а заодно и продвинуть Виткевича. В начале мая Перовский пишет в МИД: «В случае отправления Гуссейна-Али в столицу я полагал бы придать ему... прапорщика Виткевича... Виткевич приехал сюда, будучи почти ребенком... по тринадцатилетнем пребывании своем в здешнем крае вполне искупил вину свою примерным усердием, с коим исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже

несколько лет к Пограничной комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может в столице надежно служить переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх этого может дать Азиатскому департаменту подробный отчет касательно всех отношений здешних со степью и с соседними областями Средней Азии».

Вскоре Виткевич и Хуссейн Али отбывают в столицу, где все складывается наилучшим способом. Виткевич, как бы сказали сегодня, «уходит с регионального на федеральный уровень». Вскоре уже не прапорщик, а поручик Ян Виткевич командировается с деликатнейшей дипломатической миссией в Афганистан – как плевались карьерные дипломаты, «поручик стал главой российского посольства». Там ему предстоит столкнуться со спешно вернувшимся в Кабул Александром Бернсом. Началась знаменитая «дуэль в Кабуле», пожалуй, единственный из эпизодов «Большой игры», описанный литераторами едва ли не подробнее, чем историками. Юлиан Семенов, Валентин Пикуль, Михаил Гус – кто только не отметился на этой теме...

Та самая дуэль, которую Виткевич выиграл «в поле», а Россия проиграла на дипломатическом уровне. Впрочем, счастья это не принесло ни одному из дуэлянтов.

Три года спустя, 8 мая 1839 года, лучший полевой агент Империи Ян Виткевич, которому едва исполнилось тридцать лет, застрелится (или будет застрелен) в номере гостиницы «Париж» на Малой Морской улице в Петербурге. Это про-

изойдет накануне представления императору и перевода в гвардию. Его бесценный архив бесследно исчезнет, и это загадочное самоубийство (или убийство) уже много десятилетий будоражит историков, литераторов и сторонников теории всемирного заговора.

Пять лет спустя, 2 ноября 1841 года лучший полевой агент Империи, 36-летний капитан Александр Бернс будет заживо растерзан восставшими афганцами на пыльных улицах Кабула, а Британская империя получит в Афганистане такую пощечину (афганцы вырезали всех англичан поголовно), которую островитяне не забудут никогда, и которая навсегда втянет их в бесконечную череду англо-афганских войн.

А в далеком Оренбурге Перовскому и Далю скучать не приходится – бухарские и хивинские дела вдруг выдадут неожиданный поворот, в результате которого 10 сентября 1840 года в том самом недавно заложенном Ново-Александровском укреплении неожиданно появится англичанин по фамилии Шекспир. Именно так – Ричмонд Шекспир, лейтенант британской армии, честолюбивый политический карьерист и двоюродный брат знаменитого писателя Уильяма Теккерея.

Но это уже совсем другая история. Как верно заметил еще один великий писатель по имени Джозеф Редьярд Киплинг, «только когда все умрут – кончится Большая игра!».

Картины, эфиопы и стихи

Сначала – начало знаменитого стихотворения Николая Гумилева «Мои читатели», написанного незадолго до смерти, в 1921 году.

*Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.*

Все три друга Гумилева, упомянутые в первой строфе, достаточно известные люди. Но если второй и третий угадываются сразу (Колбасьев и Блюмкин) а вот с первым долго бились даже литературоведы. И, наконец, установили (см., например, книгу А.Давидсона «Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин», 2001 г.), что речь идет о Евгении Всево-

лодовиче Сенигове. Он же – Белый Эфиоп, он же – Русский Гоген.

Человек (как и все упомянутые в стихотворении) удивительной судьбы.

Согласно автобиографии Е.В. Сенигова, сохранившейся в одном из дел Архива внешней политики России (АВПР), он родился в 1872 году в обеспеченной дворянской семье, близкой ко двору. Его старшая сестра была фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Он закончил реальное училище в Петербурге, затем в 1892-1894 годах учился в Московском Алексеевском военном училище, откуда был выпущен подпоручиком и направлен в Туркестанский линейный батальон, в Ферганскую область, где служил с 1894 по 1897 год. В край, где шла моя любимая Большая Игра.

Пока все понятно – типичная, в общем-то судьба молодого человека из дворянской семьи.

А вот дальше начинается непонятное. Большая игра в эти годы уже была на излете, и наш туркестанец, прослужив всего несколько лет, выходит в отставку. В 1898 году Сенигов по одним сведениям, в составе военной миссии, по другим – «по неизвестным причинам и неизвестным маршрутом» отправился в Эфиопию. Сам он писал, что это была политическая эмиграция.

Почему в Абиссинию? Зачем в Абиссинию? Вот хотите верьте, хотите нет – между Туркестаном и Эфиопией существует какая-то непонятная связь. Достаточно вспомнить

туркестанского поручика Виктора Машкова, который однажды отправился из гарнизона крепости Карс в отпуск. Отпуск затянулся на несколько лет и протянулся на несколько тысяч километров. Сам поручик стал человеком, который первым завязал сношения России с Абиссинией, при этом вдрызг рассорив военного министра, министра иностранных дел и самого батюшку-императора. Но я сейчас не о нем, а о Сенигове.

Оказавшись в Эфиопии, Сенигов остался там на постоянное жительство. При этом в Аддис-Аббебе он находился как бы вопреки русским законам, редко появлялся в отечественном посольстве, соотечественников чурался, с общиной никаких дел не имел, и никаких адресов по праздникам родному правительству принципиально не подписывал. Среди живших в абиссинской столице европейцев Евгений Всеволодович слыл умницей и пьяницей-социалистом.

Жившим в Эфиопии российским чиновникам Сенигов казался подозрительным. Например, А. Орлов, глава российской миссии, доносил в Петербург 10 апреля 1901 года: «Около трех лет уже проживает в Абиссинии лицо, называющее себя русским подданным и поручиком запаса Сениговым. Лицо это ранее проживало в Харраре, а год тому назад перешло на службу к г. Леонтьеву. В настоящее время Сенигов, не довольствуясь скромным вознаграждением, получаемым от Леонтьева, поступил на службу к Расу Ольдо-Георгису, правителю Каффы, куда на днях и уезжает в каче-

стве инструктора войск Раса». Через несколько лет, в июне 1906-го, глава российской дипломатической миссии в секретном донесении министру иностранных дел Извольскому упоминает «одного совершенно абиссинившегося бывшего русского офицера Сенникова, живущего в Каффе (*территория, подарившая миру слово "кофе", родина этого напитка, до сих пор одна из наименее изученных областей Эфиопии, расположенная в юго-западной ее части*), не имеющего не только никаких связей с Россией, но даже враждебно к ней относящегося».

По приезду в Африку некоторое время Сенигов провел в экспедициях. Затем был представлен при дворе негуса Менелика, женился на знатной амхарской девушке.

Командовал крупным отрядом у одного из значительных провинциальных военначальников и даже сам управлял провинцией. Потом, бросив службу африканскому вождю, завел ферму в Западной Абиссинии, на реке Боро.

Современников поражало, что, хотя Сенигов вовсе не бедствовал, но выглядел и одевался, как настоящий эфиоп, – более того, ходил босиком тогда, когда местная знать уже стала носить обувь.

А у Сенигова появилась новая идея – он решил создать на одном из островов озера Тана нечто вроде "демократической коммуны". Сенигов активно занимался созданием коммуны, отдавая этой затее все деньги, которые зарабатывал как художник.

Да, художник. Его называли "Русским Гогеном". Отличный рисовальщик, к тому же долгое время не имевший никаких конкурентов в Аддис-Абебе, он пользовался большим успехом как среди придворной знати, так и среди европейцев, живших в эфиопской столице. Кроме портретов на заказ, бывший поручик много рисовал и для себя. Но как-то странно. Чешский ученый Чеслав Есьман, который и назвал его «русским Гогеном», писал со слов очевидцев: «Сенигов рисовал большие композиции на листах грубой бумаги, предвосхищая того Гогена, которого выдумал Сомерсет Моэм». Но эти картины Сенигов почему-то уничтожал. Можно добавить, что Сенигов был еще и неплохим лингвистом – за несколько лет он выучил языки нескольких местных народов.

После того, как коммуна разорилась, наш герой много ездил по стране, собирал легенды, записывал со слов стариков рассказы об обычаях и традициях каффичо и рисовал, рисовал, рисовал...

Вот только круг общения с соотечественниками ограничивался известными купцами из Дагестана, братьями Ханафи и Хаджи Магомедовыми, торговавшими эфиопским табаком. На одном из снимков Сенигов с женой сфотографирован вместе с семьей Ханафи Магометова. Единственным исключением оказался путешественник и поэт Николай Гумилев.

Белый Эфиоп прожил в Абиссинии почти четверть века, и

вдруг в 1921 году он вдруг бросает все и уезжает в бурлящую революцией Россию. И тут возникают наши противники по Большой Игре англичане, которые зачем-то задерживают его в Египте. Задерживают на несколько лет. Как писал сам Сенигов в апреле 1924 года секретарю Отдела Ближнего Востока Наркоминдела Пастухову: "Я жил с 21 по 23 год в дороге, с 23 бедствую в Москве". У него были какие-то странные дела в Наркомате Иностранных дел, о которых он сообщал в своей записке в Наркоминдел очень общими словами: «Цель моего приезда связать мою вторую родину, Абиссинию, с государством, которое по принципам III Интернационала может дать бескорыстную... поддержку ее...».

И дальше опять случается непонятное – однажды он уже таинственно исчез из России и неизвестно как и неизвестно зачем оказался в Эфиопии. Четверть века спустя ситуация повторилась, вот только Сенигов больше нигде не «всплыл». Дальнейшая судьба этого таинственного Игрока неизвестна. Единственная зацепка – в 1937 году его акварели неожиданно были переданы ленинградскому Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого, больше известному как Кунсткамера, женщиной, которая назвалась женой Сенигова. Там же сейчас хранится и его эфиопский дневник. Но в целом могу сказать, что об этом человеке нам неизвестно гораздо больше, чем известно. Может быть, найдется еще цепкий исследователь, который вытащит из архивов недостаю-

щие части этой головоломки.

Где, и как умер Сенигов – неизвестно. Но вот что удивительно – в стихотворении Гумилева речь идет о смерти. И у всех трех героев стихотворения с кончиной какая-то чертовщина – сведения о смерти сомнительны или спорны. Как тут не вспомнить блестящий роман «Посмотри в глаза чудовищ» – о «посмертной» жизни самого Гумилева...

Забытое "Золото" или Подвиг офисного планктона

Надо бы завести рубрику "Дурацкие юбилеи". И вот первый кандидат: чуть больше полувека назад начались съемки фильма "Золото" по одноименному роману Бориса Полевого.

Сейчас об этом фильме помнят разве что в Мончегорске, где он был снят. По крайней мере, на официальном сайте в разделе "Знаменитые гости города" съемки фильма фигурируют – наряду посетившими Мончегорск Раулем Кастро, Михаилом Горбачевым и Александром Розенбаумом, отрабатывавшим там практику на "Скорой" после 5 курса медицинского института. На этот список именитых гостей Мончегорска заканчивается, а мы продолжаем.

Косвенным показателем забытости этого фильма является то, я не нашел ни одной его афиши.

Меж тем и роман, и фильм "Золото" весьма занимательны. Вот как его сюжет пересказывает "Википедия":

Старший кассир банка Митрофан Ильич Корецкий решает не эвакуироваться из приграничного с Латвией городка. С ним осталась юная машинистка Муся Волкова – она не успела к транспорту.

В здание банка два бойца принесли драгоценности, которые были подобраны из почтового вагона взорванного эшелона. Под самым носом у немецких солдат кассир и машинистка выносят более 17 кг драгоценностей из города. Фашисты узнают о ценном грузе и начинают поиск беглецов...

Борис Полевой был, наверное, не самым великим русским писателем, но он совершенно точно был журналистом божьей милостью. Это стало ясно еще в 20-х годах, после выхода его первой книги с нетривиальным названием "Мемуары вшивого человека". Тогда выпускник техникума и начинающий репортер по заданию редактора "Тверской правды" внедрился в криминальный мир Твери под видом московского "вора в законе". Самое интересное – предтеча Шарашова умудрился не только не "сесть на перо" уголовников, но и раскопал неопровержимые доказательства связей криминальных воротил Твери с коррумпированным руководством. После публикации серии очерков был дикий скандал, полетели головы, несколько отцов города надолго присело, а у Полевого вышла первая книжка.

С тех пор и сложилась традиция, что все его книги (включая, естественно, самую знаменитую его книгу, "Повесть о настоящем человеке"), как пишут американцы, "основаны на реальных событиях".

И тут я заинтересовался – какое реальное событие стоит за "Золотом". Действительно ли был этот "подвиг клерков", это невозможное по нынешним временам road movie по ок-

купированной территории с мешком золота за плечами?

Как выяснилось, все действительно было, причем случилось все (как и почти во всех его книгах) в его родной Твери/Калинине. Только было все и проще и сложнее одновременно.

1941 год. Немцы прут на Москву как подорванные, в котлах иногда оказываются целые армии, не успевшие отойти. Очередной прорыв – в Тверской области, где под угрозой захвата оказывается Калинин. Областная контора и городское отделение Госбанка в последние часы перед захватом Калинина были эвакуированы в г. Кашин, где пробыли до конца оккупации. Причем обеспечивали организованный вывоз ценностей из столицы области не высокие начальники, а рядовые сотрудники – инкассатор В.Н. Дружининский и старший кассир В.А. Абалишников.

А многим районным отделениям области пришлось самостоятельно эвакуироваться в Марийскую АССР, причем деньги и ценности девочки-операционистки тупо везли в мешках на крестьянских подводах под бомбежкой, без какой-либо охраны – а сзади их настигал фронт.

Но одному отделению не повезло – Емельяновское отделение Госбанка СССР в результате прорыва немцев оказалось отрезано. Что делать – совершенно непонятно, и не случайно прототип главной героини потом шутя упрекала Полякова, что своим романным героям он изрядно облегчил задачу. Мол, вынести 17 килограмм золота – это ерунда, в веще-

шок влезет, ты попробуй что-нибудь сделать в той ситуации, в которой они оказались в реальности.

А в реальности никакого золота, конечно же, не было – откуда ему взяться в районном отделении? Зато было 15 мешков (!) денег, документов и ценных бумаг, которые двум оставшимся сотрудникам пришлось спасать и прятать. В реальности, кстати, главные герои были "отзеркалены" – вместо пожилого кассира Митрофана Ильича Корецкого и молоденькой машинистки Муси Волковой были главный бухгалтер Емельяновского отделения Мария Соловьева и молодой кассир Иван Виноградов. Именно эти двое вывозили все это богатство (в прямом смысле слова), именно они зарывали деньги в лесу и именно они следили за ним весь период оккупации. Соловьева, выдав себя за беженку, напрасилась пожить в ближайшую деревню, а Виноградов зиму 41-42 года просто прожил в лесу, охраняя подотчетное имущество. Хуже всего, что по окрестным селам пошли нехорошие разговоры, и Виноградову пришлось пережить несколько очень неприятных моментов. Да и вообще – что эти двое пережили в ту страшную военную зиму – можно только догадываться.

Потом все закончилось очень буднично – когда территорию освободили, деньги и ценности откопали и сдали по описи. Ни наград, ни репрессий не последовало – люди просто выполнили свой долг, какие могут быть вопросы? Вот эта неприметность, неказистость подвига, похоже, и заставила Полевого придумать историю с переходом фронта.

После освобождения Виноградов ушел на фронт, выжил, а когда вернулся домой после Победы, снова работать в Госбанк не пошел. Ну вас нафиг, очень уж нервная у вас работа! Устроился работать лесником, благо опыта после зимовки в лесу хватало.

А Мария Соловьева так всю жизнь и проработала в Емельяновском отделении, лишь ближе к пенсии перевелась ревизором Госбанка в Калинин. После выхода романа Полевого вышла пара газетных заметок об этом случае, а потом как-то все забылось.

Показательно, что единственная оставшаяся память сегодня – это посвященный событию стенд в музее Тверского отделения Центробанка. И то сказать – сопоставимые по масштабу примеры "корпоративной лояльности" не сразу и вспомнишь.

И последнее. Одна из немногих найденных мною заметок называлась "В стране забытых героев".

Не поспоришь.

Когда белые воевали с красными. Плечом к плечу

Доля историка весьма незавидна. Историк в жизни – это как гинеколог в стриптиз-баре: всем весело и интересно, а он скучает. Он все это видел уже стоицот раз и заранее знает, чем все закончится.

Не верите? Ну послушайте одну историю.

Однажды в непосредственной близости от границ России случилась серьезная неприятность. Народ одной соседней страны, доведенный до предпоследней степени нищеты и озлобленный сверх всякой меры коррумпированностью власти, устроил мятеж и эту самую злочинную владу отправил к той самой матери.

И все бы ничего, можно только порадоваться за несчастных людей, вот только мятеж восставших носил ярко выраженный националистический характер. Как следствие – досталось не только вполне заработавшей пинка под зад власти, но и начались весьма ощутимые наезды на всех остальных, повинных только в том, что они были другой национальности и не разделяли бурной радости по поводу нации, которая наконец-то превыше всего.

На несчастье восставших, в стране этой проживало до-

вольно много русских, причем многие – с военной профессией и армейским боевым опытом. Как только начались погромы, русские, которые до этого в основном просто мирно трудились, взялись за оружие и начали создавать отряды самообороны. Недобитые остатки прежнего режима охотно помогали взявшимся за оружие «ополченцам» – прежде всего оружием, продуктами и деньгами.

Вскоре у ополченцев выделилось несколько весьма боеспособных отрядов численностью в 2-3 сотни человек, возглавляемых лихими «полевыми командирами». Особенно гремела слава о подвигах отряда, возглавляемого полковником П., прошедшим не одну войну. Именно он малыми силами творил чудеса, отбивая у националистов даже города. Сам полковник в донесениях был лаконичен: «Чтобы спасти себя и ... население от поголовного истребления, мы решились. Был выбран подходящий момент... после короткого боя город остался за нами».

Именно полковник П. и стал сначала неформальным, а потом и признанным вождем восставших русских. Мало помалу разрозненные поначалу отряды объединились в единое воинское соединение численностью около 2 тыс. человек, во главе которого и стал П., авторитет которого был непререкаемым.

И все бы хорошо, но националисты располагали несравнимо большей и людской, и финансовой, и военной базой. Поэтому, несмотря на все успехи ополчения, их теснили все

сильнее и сильнее. Это, собственно, непреложный закон войны – арифметика бьет любые подвиги. Если у одних база – тысячи, а у вторых – миллионы, вторые всегда выиграют. Судьба сопротивления, казалось, была решена, но тут вмешалась Россия.

Вмешалась, конечно же, не из-за любви к убиваемым соплеменникам. Политикам эмоции противопоказаны, политика – это всегда и исключительно расчет. Только бездушное «Что нам выгоднее и как этого добиться оптимальным способом» – и ничего другого. И это хорошо, потому что как только в политике появляются эмоции и чувства, заканчивается это всегда одинаково.

Большой кровью.

Так вот, на счастье сопротивлявшихся русских, международный расклад был в их пользу. Дело в том, что за спиной свергнувших режим националистов стояли государства, явно враждебные России – помощь оружием и инструкторами они оказывали практически открыто. Враждебное государство у своих границ – это последнее, что было нужно России. Кроме того, националистические идеи, исповедовавшиеся восставшими, вполне могли перекинутся и на российские пограничные области – материала, который мог стать для них питательной средой, в российском пограничье хватало.

Но была существенная проблема – пока в России мялись и не могли принять решения, процесс зашел уже очень дале-

ко. Купировать болезнь можно было только радикальными методами – и на них пошли.

Однажды ночью границу перешли кадровые части российской армии – причем не с винтовками, а с военной техникой. Только знаки принадлежности к вооруженным силам на танках, бронетехнике и самолетах были тщательно закрашены. Солдаты и офицеры были переодеты в форму русского ополчения, им было запрещено при любых обстоятельствах признаваться, что они кадровые военные иностранной державы, перед участием в операции они дали подписку о неразглашении сроком действия в пятьдесят лет.

Дальше, я думаю, понятно. Против кадровых частей никаких шансов у националистов не было, и они начали терпеть поражение за поражением. Иностранные державы подняли вой, но поскольку никаких явных доказательств участия российской армии в конфликте не было, а российский МИД стоял насмерть, отрицая все и вся, то никаких серьезных последствий не возникло.

Под угрозой полного военного разгрома националистов боевые действия были приостановлены, и конфликт завершился так, как всегда завершаются подобные конфликты – «большие пацаны» принялись втихую разругивать ситуацию, отчаянно при этом торгуясь. Российские войска и армейская техника так же тихо были выведены, остались только засекреченные инструктора, работавшие под чужими именами.

Да, совсем забыл – накануне ввода войск полковник П. был снят со всех постов и заменен куда более управляемым полковником Б. Восставшие русские ополченцы влились в ряды невесть откуда взявшейся армии и бились плечом к плечу с российскими военными. Ничего удивительного – когда начинается серьезная игра, время идеалистов заканчивается, большая политика невозможна без надежного управления.

Вот, собственно, и вся история. Что-то знакомое, не правда ли?

Вот только дело происходило в 1931 году, когда в Синьцзяне вспыхнуло антикитайское восстание уйгуров под предводительством генерала Ма Чжунина.

Русские ополченцы – это ушедшие после Гражданской войны в Китай семиреченские и уральские казаки, в том числе дутовцы и анненковцы. Именно они, не первое десятилетие мирно хозяйствовавшие в Восточном Туркестане, взялись за оружие, когда погромы перекинулись с китайцев на русских. Уйгуров поддерживали Великобритания с Японией, и именно нежеланием иметь на границе еще одно враждебное марионеточное государство по типу Маньчжоу-Го и объясняется вмешательство России.

Полковник П. – это полковник Павел Петрович Папенгут, белогвардейский офицер, участник Гражданской войны, главные свои воинские подвиги совершивший на китайской земле.

И, да, это был, наверное, единственный случай в нашей истории, когда «красные» и «белые» плечом к плечу сражались на одной стороне, и даже были одеты в одну и ту же военную форму. Более того – "чтобы никто не догадался", советский контингент использовал дореволюционную систему званий. "Господин штабс-капитан ОГПУ" и "товарищ поручик РККА" – эти дикие, казалось бы, словосочетания были реальностью.

При чтении иных документов даже и не знаешь – смеяться или плакать. Вот выдержка из документов по 171-му отдельному батальону войск НКВД, который охранял в Синцзяне авиазавод:

"На политических занятиях в роте групповод занятий поручик Волков (ЫЫЫ!), проводя рассказ "Гражданская война и создание Красной Армии" не подготовил карту, не указал всех направлений наступления белогвардейцев и интервентов на Советскую Республику. Кроме этого поручик Волков недостаточно знал места основных побед Красной Армии над белогвардейцами, не упомянул о зверином облике белого офицерства и их зверствах по отношению к рабочим и крестьянам". (РГВА Ф. 38447 Оп.1 Д.5 Л.15).

Но вернемся к "дутовцам". Бывших белогвардейцев никто не преследовал, скорее наоборот – участникам боевых действий в Синцзяне была обещана либо полная амнистия и возвращение на Родину, либо предоставление обширных земельных участков на неосвоенных территориях Восточного

Туркестана. Однако руководство "точечно" проредили. Вот еще один снимок:

1926 г., Китай, празднование Троицы эмигрировавшими казаками. Мужчина справа, держащий в руках скрипку – Калачев Григорий Иванович, бывший военный чиновник, после отставки арендовал водяную мельницу у богатого уйгура, в запрудах разводил рыбу. Жил достаточно зажиточно. Мужчина по центру снизу в полулежащем положении третий справа – Могутнов Иван Максимович с верхнего снимка, последний адъютант Дутова. Был арестован людьми в гражданской одежде. Ими же был арестован Калачев Григорий Иванович. И тот, и другой исчезли бесследно. Впоследствии при переезде в Советский Союз их женами были уничтожены все фотографии мужей в форме со знаками отличия. По общему мнению, оба были "зачищены" как люди Папенгута.

Растущее влияние полковника, безоговорочный военный авторитет и неуправляемость не устраивали ни советских представителей, ни китайцев. По согласованию с советским генеральным консулом в Восточном Туркестане Апресовым, прибывшим в Синьцзян в декабре 1933 года, полковник Папенгут, занимавший твердую антисоветскую позицию, 10 декабря был отстранен от командования, арестован и расстрелян номинально китайским, а де-факто вполне самостоятельным правителем Синьцзяна Шэн Шицаем. Ему было 39 лет.

Командующим русскими частями был назначен полковник царской армии Бектеев, вскоре получивший чин гене-

рал-лейтенанта армии Синьцзяна и круглую сумму «неподотчета» для содержания русских полков. Военным советником к нему был приставлен товарищ Фу Дзи Хуй – под этим неблагозвучным для русского человека именем скрывался советский военный советник, будущий маршал бронетанковых войск и дважды Герой Советского Союза Павел Семенович Рыбалко.

И, самое примечательное, никаких волнений в рядах белогвардейских «ополченцев» не случилось – в точности, как и на нашей памяти.

Морали в конце не будет, вы взрослые люди, выводы делайте сами.

Скажу только одно – политика честной и простой не бывает никогда. Это всегда, по определению, очень грязное и многослойное явление. Все подводные камни тех или иных решений и действий исследователям не удастся вычленишь даже много десятилетий спустя, когда уже и секретные документы становятся доступны.

Вы скажете мне – ну ладно, вам, историкам, хорошо, вы это изучали и знаете. А нам, простым людям, что делать, как понять – что вообще происходит, где нам правду говорят, а где нагло врут?

На это есть простой и безошибочный принцип. Как только вам начинают предлагать объяснения, где все просто и понятно, где одни черные, а другие белые, это значит только одно – вас разводят.

Не ведитесь.

"Я был когда-то странной игрушкой безымянной..."

Эдуард Успенский мог бы стать великим сказочником. Нет, правда – масштаб таланта, который был ему отвешен, это вполне позволял. Талант этот был огромен и тратил он его более чем щедро. Если честно, то в молодости Успенский талантом просто фонтанировал.

Боже, где только он не работал и что только он не писал! Он работал на радио – и только одна "Радионяня", от которой и всем ребятам, и всем трулялятам реально было веселее, дорогого стоит. Он работал на телевидении – и одно только название "АБВГДейка" заставит целое поколение бывших советских людей издать звук "О!". Он писал сценарии новогодних утренников, сочинял сюжеты для художников в журнале "Веселые картинки", довольно долго работал на "Союзмультфильме", и многие наверняка удивятся, узнав, что и "Рыжий-рыжий-конопатый", и "Антошка, Антошка, пойдем копать картошку", и "Наследство волшебника Бахрама" и "Пластилиновая ворона", и "Баба-Яга против!" и "Ивашка из Дворца пионеров" и "Про Сидорова Вову" и многое-многое другое – это тоже он.

Наконец, он был просто классным поэтом. Я даже не про ставших уже классикой "Осьминожек", "Разгрома" или "Птичьего рынка" (не говоря уже про Абсолютную Классику, которую знают наизусть сотни миллионов людей, вроде "Голубого вагона"). Но даже в сочинявшихся им мимоходом коротеньких безделках есть главный признак настоящей поэзии – нечего добавить, ни одно слово нельзя убрать, и ни одно слово нельзя заменить другим:

Девочке, которая все время сосет палец

Неземная красота,

Выньте палец из рта!

Девочки и мальчики,

Не сосите пальчики.

Дорогие детки,

Пальцы – не конфетки.

Или вот другое, очень грустное, если вдуматься, стихотворение. Практически "Куда уходит детство", только гораздо короче.

И девчонки и мальчишки

Часто писают в штанишки.

Мамы негодуют,

А детишки дуют –

На глазах у всей страны

Гордо писают в штаны.

Но когда большими станут,

Они писать перестанут.

И это я еще ничего не сказал про его главное наследство – книги. Безмерно, невероятно талантливые детские книги: "Крокодил Гена и его друзья", "Дядя Федор, пес и кот", "Гарантийные человечки", "Вниз по волшебной реке", "Вера и Анфиса", "Меховой интернат", "Школа клоунов"...

Он был как никто другой близок к тому, чтобы стать великим сказочником. Не хватило самой малости.

Дело даже не в всем известной трагической ситуации "Наш мир мертв, а мы еще нет", которая как ножом обрезала в начале 90-х творчество целого пласта безмерно талантливых людей, от Эльдара Рязанова до братьев Стругацких.

Успенскому не хватило... Нет, даже не любви к людям. Талантливые сказочники, как правило, все о людях знают, и потому изрядные мизантропы. Ему не хватило умения прощать, понимать и принимать.

Всего того, что делает умного человека – мудрым.

Но это все так – грусть жадного до талантливых книг человека. На самом деле того настоящего, что успел сочинить Эдуард Успенский – за глаза по любым меркам.

Поэтому когда он умер, миллионам людей взгрустнулось оттого, что их детства на планете в очередной раз стало немного меньше. Развитое до неприличия судебное сутяжничество забудут очень скоро, а книги останутся. Есть такой суровый закон у жизни – нет большой разницы, хорошим или плохим человеком ты был. После тебя останется только то, что ты сделал.

Не больше.

Но и не меньше.

И последнее.

Самая знаменитая книга Эдуарда Николаевича начинается словами: "Когда я был маленьким, у меня было три любимых игрушки...". Когда маленьким был я, у меня была любимая, зачитанная в лохмотья книга "Крокодил Гена" с иллюстрациями Алфеевского. После сказки там было несколько стихов Успенского. Одно из них я до сих пор помню наизусть. Несмотря на то, что оно грустное.

Как пасмурный день с мелким облажным дождиком.

Но все-таки заставляет улыбнуться.

Как все хорошее, что написал Эдуард Николаевич Успенский.

Над нашей квартирой

Собака живёт.

Лает собака

И спать не даёт.

Спать не даёт

Нам.

А над собакою

Кошка живёт.

Мяукает кошка

И спать не даёт

*Спать не даёт
Собаке.*

*Ну, а над кошкою
Мышка живёт.
Мышка вздыхает
И спать не даёт.
Спать не даёт
Кошке.*

*Ночью по крыше
Дождик стучит.
Вот потому-то
И мышка не спит,
Мышка не спит
Всю ночь.*

В небе печальные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.